

© Совет Европы/Европейский суд по правам человека, 2012 г. Настоящий перевод не налагает на Суд никаких обязательств. Дополнительная информация приводится в полной версии уведомления об авторском праве в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека № 141
май 2011 г.

Khodorkovskiy против России – 5829/04

Постановление от 31.5.2011 г. [I Секция]

Статья 5

Пункт 1 (б) статьи 5

Обеспечение исполнения предписанных законом обязанностей

Указанная цель ареста отлична от реальной: *допущено нарушение.*

Статья 18

Ограничения в незаконных целях

Утверждения о предполагаемой политической и экономической мотивации уголовного разбирательства против заявителя: *нарушения допущено не было.*

Статья 46

Конкретные меры

Просьба предписать конкретные меры для предотвращения аналогичных нарушений: *никакие конкретные меры предписаны не были.*

Факты. Заявитель являлся членом совета директоров и крупнейшим акционером компании ОАО НК «ЮКОС», а также одним из богатейших людей России. Он также участвовал в политике, поскольку объявил, что выделит значительные средства на поддержку оппозиционных партий. В 2003 году некоторые члены руководства компании «ЮКОС» были арестованы в связи с приватизацией другой компании – «Апатит». В июле 2003 года заявитель был допрошен в качестве свидетеля по этому делу. В октябре 2003 года, когда заявитель находился в командировке в Восточной России, следователь вызвал его в Москву для дачи свидетельских показаний на следующий день в полдень в Москве. Сотрудники заявителя информировали следователя, что заявитель не сможет явиться, поскольку находится в командировке и не вернётся в Москву в течение нескольких дней, однако главный следователь выдал ордер на его принудительный привод для допроса. На следующий день группа вооружённых сотрудников правоохранительных органов вошла в самолет заявителя, стоявший на взлётной полосе в аэропорту города Новосибирска, задержала его и отправила в Москву, где он сразу был допрошен следователем как свидетель. Незамедлительно после этого ему было предъявлено обвинение в совершении ряда преступлений экономического характера, связанных с приватизацией компании «Апатит». В 2005 году он был признан виновным и приговорён к 8 годам тюремного заключения.

Вопросы права. В ответ на жалобу заявителя на то, что во время судебных заседаний он был помещён в металлическую клетку, Суд отметил, что практика помещения обвиняемых по уголовным делам в «специальное помещение» в зале суда, существует в ряде европейских стран. Однако заявитель обвинялся в совершении преступлений, не связанных с применением насилия, у него не было предыдущих судимостей и не было оснований считать его склонным к агрессии. Суд над ним освещался почти всеми крупными российскими и международными средствами массовой информации, поэтому он постоянно предстал перед публикой в таком обрамлении. Принятие таких мер безопасности, учитывая их кумулятивный эффект, в деле заявителя было чрезмерным и закономерно рассматривалось заявителем и общественностью как унижительное.

Вывод: допущено нарушение (принято единогласно).

Суд также пришёл к выводу, что имело место нарушение статьи 3 в связи с условиями содержания заявителя в одном из мест задержания, в котором заявитель находился в ожидании рассмотрения его дела в суде.

Пункт 1(б) статьи 5. Заявитель был арестован в соответствии с российским законодательством, которое допускает задержание свидетеля, не явившегося на допрос без уважительной причины. При этом никакое задержание не может быть необоснованным и допускается только при условии, что предписанная законом обязанность не может быть исполнена иным образом. Хотя с формальной точки зрения заявитель не явился на допрос и, следовательно, не выполнил свое обязательство перед государством, Суд не может согласиться с тем, что такое основание было достаточным для его насильственного привода в Москву на следующее утро, а также с тем, какие методы были для этого выбраны. Во-первых, неясно, почему следователь не мог подождать три дня до возвращения заявителя в Москву, учитывая, что следствие по делу уже велось несколько месяцев и что предыдущее поведение заявителя не давало оснований для каких-либо законных опасений, что он не явится на допрос после своего возвращения. Помимо этого, заявитель был задержан как опасный преступник, а не как обычный свидетель, и сразу после его допроса прокуратура обратилась в суд с 9-страничным ходатайством о заключении заявителя под стражу. Такое развитие событий даёт основание предположить, что прокурор в действительности подготовился к этому заранее и хотел задержать заявителя в качестве подозреваемого, а не просто для допроса как свидетеля. Учитывая, что задержание заявителя, если оно было произведено по иной причине, нежели причина, указанная официально, было незаконным, задержание в Новосибирске противоречит пункту 1 (б) статьи 5.

Вывод: допущено нарушение (принято единогласно).

Пункт 1(в) статьи 5. Заявитель обжаловал то, что судебное рассмотрение вопросов его содержания под стражей происходило во время закрытых заседаний, а также то, что решения суда не содержали должного обоснования. Что касается первой части жалобы, то хотя в самой Конвенции не содержится прямого требования, чтобы слушания по вопросу о законности содержания под стражей проходили в открытом режиме, такое требование содержится в российском законодательстве. Однако не каждое и не любое нарушение формальных процедур влечёт за собой нарушение Конвенции. Даже если национальные суды допустили нарушение в толковании национального законодательства и провели заседания, которые обжалуются по данному делу, *in camera* (в закрытом режиме) без достаточных оснований, это не равносильно тому, что в ходе разбирательства были допущены серьёзные и очевидные нарушения, которые лишают разбирательство юридической силы. Что касается второй части жалобы, то в решениях суда о продлении

сроков задержания были указаны некоторые основания, и эти решения нельзя характеризовать как необоснованные.

Вывод: нарушения допущено не было (принято единогласно).

Пункт 3 статьи 5. В первом решении о заключении заявителя под стражу российский суд указал три конкретные причины, которые были связаны с такими рисками, как риск того, что заявитель может скрыться от правосудия, риск вмешательства в ход следствия и риск того, что он продолжит свою преступную деятельность. Хотя некоторые из высказанных предположений не имели под собой достаточных оснований, нельзя игнорировать тот факт, что заявитель являлся одним из богатейших жителей России, а также обладал политическим влиянием, хотя это влияние имело неофициальный характер. Тем не менее, хотя некоторые из приведенных судом оснований могли оправдать содержание заявителя под стражей в течение какого-то периода времени, Европейский Суд не считает эти основания достаточными, чтобы оправдать весь срок содержания его под стражей. Во-первых, в двух вынесенных решениях о продлении срока задержания указаны одни и те же основания, что и в первоначальном решении, хотя за этот период времени личная ситуация заявителя изменилась, он перестал занимать руководящие должности в группе компаний Юкос и сдал свой заграничный паспорт следователю. Приказ о продлении содержания под стражей от 20 мая 2004 года и последующее решение, подтверждавшее этот приказ, были вынесены вообще без ссылки на какие-либо основания. Таким образом, такое продление задержания заявителя было неоправданным. Наконец, российские суды полагались на материалы, полученные в нарушение правил общения адвоката с подзащитным, а также никогда не рассматривали вопрос о возможности применения в отношении заявителя менее суровых мер пресечения.

Вывод: допущено нарушение (принято единогласно).

Статья 18. Вся структура Конвенции исходит из того общего допущения, что публичные власти в государствах-участниках действуют исходя из лучших побуждений. Хотя любая публичная политика или отдельные шаги могут иметь свою скрытую «повестку дня», а также учитывая, что презумпцию «лучших побуждений» можно опровергнуть, утверждения заявителя о том, что его права и свободы были ограничены по неправомерным причинам, требует неоспоримых доказательств того, что подлинная цель властей отличалась от той, которую они декларировали (или той, какая может быть обоснованно выведена из этого контекста). Одни лишь подозрения, что государство использовало свою власть в иных целях, чем те, которые определены в Конвенции, не являются достаточными для доказательства нарушения статьи 18, особенно в условиях, когда Суд применил по данному делу высшие стандарты доказывания. По делу в отношении заявителя эти стандарты доказывания не позволили установить заявленные обвинения.

В этой связи Суд отметил, что любой богатый, влиятельный и потенциально серьезный оппонент на месте заявителя мог бы делать похожие утверждения о «неправомерных мотивах». Однако тот факт, что политические оппоненты подозреваемого или его конкуренты по бизнесу могли прямо или косвенно воспользоваться тем, что он находился под следствием, сам по себе не является препятствием для уголовного преследования заявителя со стороны властей при наличии серьезных обвинений в отношении заявителя. Иными словами, высокий политический статус не является гарантией неприкосновенности. Со своей стороны, Суд убедился в том, что обвинения против заявителя были основаны на «разумном подозрении» в значении пункта 1 (в) статьи 5 Конвенции. Тот факт, что подозрения относительно подлинных намерений властей

способствовали тому, что национальные суды в некоторых европейских странах вынесли решения против российских властей в ходе разбирательств по делу «ЮКОСа», не является для Суда достаточным основанием, чтобы прийти к заключению, что вся правовая система государства-ответчика *ab initio* (с самого начала) была использована недолжным образом и что власти с начала и до конца действовали неправомерно и грубо попирали Конвенцию. Такие серьезные обвинения требуют неоспоримых и прямых доказательств, которые не были предоставлены заявителем по данному делу.

Вывод: нарушения допущено не было (принято единогласно).

Статья 46. Заявитель обратился с просьбой о конкретных мерах, таких как указание государству-ответчику не держать его в клетке в ходе дальнейших судебных разбирательств, а также разрешить международным наблюдателям посещать его в тюрьме и расследовать условия его содержания. Однако такая просьба не относится ни к одной из ситуаций, в которой Суд может в исключительном порядке потребовать исполнения конкретных мер на основании статьи 46 (например, требование положить конец систематическому нарушению, прекратить длящуюся ситуацию или указать меры правового характера, необходимые, когда характер нарушения не предоставляет иного выхода). Заявитель не обратился в Суд с просьбой указать государству-ответчику на то, как могут быть исправлены прошлые нарушения, вместо этого он просит Суд предотвратить возможные будущие нарушения аналогичного характера. Однако основная роль Суда заключается в изучении имеющихся фактов, а не в том, чтобы строить предположения относительно будущего, особенно в случаях, когда такие предположения зависят от множества факторов и поэтому могут иметь спекулятивный характер. Соответственно нет необходимости указывать на какие-либо конкретные меры в деле заявителя помимо выплаты справедливого вознаграждения; определение других мер оставлено на усмотрение Комитета министров Совета Европы.

Суд также постановил, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции по причине многочисленных процессуальных упущений при рассмотрении вопроса о законности и обоснованности его задержания, а также длительности такого рассмотрения.

Статья 41. Выплатить заявителю 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

© Совет Европы/Европейски Суд по правам человека
Настоящее краткое изложение дела, подготовленное Секретариатом, не имеет
для Суда обязывающей силы.

См. [Информационные бюллетени по прецедентной практике](#)

© Совет Европы/Европейский суд по правам человека, 2012 г.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Настоящий перевод не имеет обязательной силы для Суда, и Суд не несет ответственности за его качество. Данный перевод может быть загружен из базы данных по прецедентному праву HUDOC Европейского суда по правам человека (<http://hudoc.echr.coe.int>) или из любой другой базы данных, в которую он был внесен Судом. Текст перевода может воспроизводиться для некоммерческих целей, с обязательным указанием полного названия дела и вышеприведенным уведомлением об авторском праве. По вопросам, связанным с использованием какой-либо части перевода в коммерческих целях, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int